

Апология «философской грамматики»

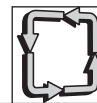
В.К. ШОХИН

Дискуссия (если она не ангажированная) развивается по собственным законам, один из которых – обязательное отклонение от начальной траектории разговора. Так и в нашем случае, мои расхождения с В.Н. Порусом по поводу того, должна ли еще философия науки заниматься традиционными для нее проблемами или срочно переквалифицироваться (перед якобы «превосходящими силами» междисциплинарных исследований) на совершенно новую, привела участников обсуждения к другому вопросу – едина ли философия как таковая или множественна? Вопрос достойный и содержательный, который, следуя моей классификации, должен быть отнесен еще к одной из философий родительного падежа – к философии самой философии¹. Потому я бы подвел итог дискуссии (разумеется, как я его вижу) в связи с 1) моей непосредственной полемикой с В.Н. Порусом и 2) моей концепцией философий родительного падежа.

Что касается (1), я с удовлетворением не обнаружил, чтобы кто-либо из участников дискуссии мне что-либо возразил. Хотелось бы разве что выделить замечание Е.Н. Ивахненко о том, что само доказывание прав философии на существование перед лицом других дисциплин знания равнозначно (как и я считаю) вызыванию подозрения относительно этих прав. Самое главное, однако, в том, что я не заметил реальных контраргументов и со стороны В.Н. Поруса на мои конкретные возражения по его тексту². Что же касается его положи-

¹ Ее открыл не я: уже в 1800 г. до этого словосочетания додумался Ф. Шлегель, которому принадлежало не одно изобретение в философской лексике.

² Нельзя же считать, например, контраргументом, что автор непричастен европоцентризму потому, что «на самом деле» ему все равно, на скольких «континентах» осуществлялась свобода мысли, тогда как он открыто солидаризировался с тем мнением, что только на одном. Упрек же мне, будто я считаю традиционные занятия философии науки «скучными» и «мелочными», совершенно голословен (по крайней мере исходя из моего текста). Напротив, я как раз подчеркиваю, что философия (в том числе и философия науки) отнюдь не должна быть развлечением, тогда как он на трудоемкость решения традиционных задач философии науки сетовал. См.: *Порус В.Н.* К вопросу о междисциплинарности философии науки // Эпистемология & философия науки. 2005. Т. IV, № 2. С. 64.

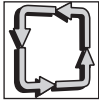
тельной программы, то здесь она обрастает дополнительными риторическими фигурами (типа философская проблематика есть «единое во многом», если угодно – «философский космос», целостность и осмысленность которому задает главная проблема; без ее решения вся прочая философская работа есть *родовые потуги бесплодного разума...*), но он явно расширяет свой «основной вопрос философии» (которым должна заниматься и философия науки) уже до *кантовской* трактовки (удаляясь понемногу от узкой *межуевской*) – «что есть человек?», и в этом несомненный прогресс. Правда, следует учесть, что Кант признавал помимо этого вопроса еще три других (которым здесь внимание не уделяется³), а также – и это главное, – что и из этого текста Владимира Натановича нельзя выяснить, как конкретно обогатится философия науки, оставив свои традиционные компетенции и став прикладной антропологией.

Зато в пункте (2) я встретился в одном случае с сочувственным недопониманием, в другом – с неприятием и в двух других с критикой. Выглядит это следующим образом. В видении Е.Н. Ивахненко я испытываю беспокойство в связи с ростом философий родительного падежа, в которых золотой фонд вечных вопросов философии разменивается на пятаки прикладного философствования. Но моя мысль противоположная: я вижу в этих философиях неизбежное и положительное развитие философии в векторе расширения ее компетенций, начало которому было положено в XVIII в. Здесь нет противоречия и с отмеченной им моей убежденностью в том, что признаком подлинной философии является работа над «вечными проблемами». Для философии культуры таковыми будут проблемы происхождения культуры, ее соотношения с природой (макро- и микросмической), определения «культуры» и «цивилизации», их существенных характеристик и некоторые другие; симметричные «топики» можно выявить и для других философских дисциплин данного типа.

В.Н. Порус эти философские дисциплины откровенно не уважает (недаром он иронизирует по поводу «философии продажи арбузов в больших городах») и – снова отдаю ему должное – вполне последователен в своей установке, что есть одна только философская дисциплина, равнозначная подлинной философии как таковой, – антропология. Все остальное – бесплатное приложение к ней.

С критикой в собственном смысле слова я встретился в выступлениях М.О. Шахова и В.А. Лекторского, первый из которых считает, что моя концепция философий родительного падежа в целом правомерна, но недостаточно дифференцирована, второй – что поскольку любой раздел философии можно трактовать как философию родительного падежа, выделение какого-то класса фи-

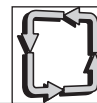
³ Считать, что все они укладываются в четвертый, – значит уже выходить за рамки кантовской философии. А кроме того, для Канта основным из основных был первый, гносеологический.

лософских дисциплин в предлагаемую мною отдельную группу лишено основания. Критика вызывает благодарность, так как дает хороший стимул для уточнения концепции.

Михаил Олегович совершенно прав в том, что для философа религии его предмет не тождествен простой «эмпирической массе» тех традиций, которые принято обозначать как религии, но этот философ осуществляет также оценки, отбор и реконструкцию соответствующего наличного материала, иными словами, конституирует его в качестве философской реальности. Однако мне непонятно, чем он отличается здесь от философа права, который делает то же самое со своим «данным материалом». Разве понятие естественного права, составляющее понятийную оппозицию «положительному праву», с которого начиналась работа в данной области философии, не было результатом аналогичного конституирования? И не применимо ли то же самое к деятельности философа науки, техники и других основных «генетивных конструкций»? Поэтому я думаю, что отказываться от их родовых признаков оснований нет.

Владислав Александрович не менее прав, указывая на то, что и современные фундаментальные философские дисциплины – онтология и эпистемология – используют результаты «смежных дисциплин» и в этом несколько не отличаются от моих «генетивных философий». Однако у меня складывается впечатление, что он прочитал мой текст недостаточно внимательно. Я противопоставляю в этом смысле философии родительного падежа не современным философским дисциплинам, а разделам философских систем Нового времени, Просвещения и немецкого спекулятивного идеализма. Но думаю, что вряд ли найдутся сильные аргументы против предположения о том, что «диалогические отношения» современных онтологии и эпистемологии с перечисленными им дисциплинами сложились без тех же философий рассматриваемого мною типа. О явном недостатке внимания к моему тексту свидетельствует и атрибуция мне понятия «философия родительного падежа» (*в единственном числе*): то, о чем у меня идет речь, по определению мыслится только *во множественном числе* – по определению потому, что эти дисциплины берут «философскую ответственность» за *отдельные сегменты* реальности, а не за нее в целом. По этой-то причине они принципиально отличаются от таких предлагаемых самим Владиславом Александровичем умозрительных конструкций, как «философия бытия» и «философия познания». Помимо этого, факт, что я, специально занимаясь «лексикологией философских дисциплин», с таковыми в истории философии не встретился, отнюдь не случаен. «Философия познания» есть словосочетание не совсем корректное по причине его тавтологичности (*философия* для греков, которые ввели данное понятие, была «любовью к мудрости»

как к познавательному процессу как таковому – философ тем и отличается, по Гераклиту, от бога, что для последнего данный процесс завершен) – наподобие «сонного морфия»⁴. А «философия бытия» настолько мало отличима от «философии всего», что даже Гегель, который, как я отмечал (и как было общеизвестно и до меня), создавал такие глобальные разделы своей системы, как «философия природы» и «философия духа», до отдельной «философии бытия» не додумался, ибо его диалектическая «философия бытия» была бы равнообъемна всей его системе.

Поэтому философии родительного падежа, занимающие срединное место между примерно одинаково проблематичными «философией бытия» и «философией продажи арбузов в больших городах», не только существуют, но и имеют все права на существование *наряду с другими* философскими дисциплинами. И еще одно соображение, уже практического характера.

Чувство определенной неуютности, которое испытывают мои коллеги при обсуждении дисциплинарной структуры философского дискурса, объясняется, мне кажется, нашей старой установкой видеть в философии только ресурс решения мировоззренческих, «проклятых вопросов» (отсюда и стремление возложить на нее ответственность за человеческую свободу даже в науке), а не наряду с этим самостоятельную и самоцельную интеллектуальную деятельность, смысл которой заключается и в ней самой. Отсюда и проблема с нашими учебниками по философии, «введениями в философию», которые посвящены тому, кто что думает о мироздании, человеке, нравственности и многом другом важном, но никак не тому, как устроен сам философский дискурс. Между тем человек, только собирающийся в страну философии (как и в любую другую), нуждается прежде всего в соответствующей географической карте. А ее и должны были бы обеспечивать исторические и систематические введения в «деление философии», которым европейская философия стала заниматься уже на заре своей истории⁵.

⁴ Поэтому корректнее говорить (как то и делается) о той или иной теории познания, но не о «философии познания». В Индии аналогично ошибочным считалось выражение «Голова Раху», так как демон Раху (периодически поглощающий Солнце и Луну) не имел туловища.

⁵ Начиная с платоновской Академии, когда Аристотель стал разрабатывать «вертикальную» структуру философии (различая «теоретические» дисциплины с «первой философией» во главе, «практические» и «творческие»), а его современник Ксенократ – «горизонтальную» (различая «логику», «физику» и «этику»).